

На замок опустились сумерки. Рон, пошатываясь, поднялся с земли и огляделся: он и сам не заметил, как уснул на берегу озера, пропустив ужин. Выудив из кармана школьной мантии часы, он прищурился — стрелки уже подбирались к восьми. Поспешно отряхнув одежду от пыли и оправив складки, он зашагал в сторону кабинета директора.

Поскольку у Рона была назначена встреча с Дамблдором, Северус Снейп и профессор Макгонагалл проявили редкое великодушие, отменив вечернюю отработку. Оба они возлагали большие надежды на мудрость Альбуса, рассчитывая, что тот сумеет вразумить этого упрямого мальчишку. Весь этот странный, тягостный для всех последний месяц Сириус Блэк, когда-то сам подбивавший друзей на шалости, втайне сожалел о содеянном. Он признался Северусу, что никак не ожидал от Рона столь бурной реакции — казалось, в парне вскипела и выплеснулась наружу вся накопившаяся за годы обида.

Гарри, чьи отношения с Драко становились всё доверительнее, тоже сокрушался: Рон сделался совершенно невыносим, а его ненависть к Слизерину перешла границы разумного. Тот вёл себя так, будто каждый обитатель подземелий был его личным кровным врагом. Умная Гермиона, выслушав жалобы Гарри, лишь печально покачала головой. Приложив палец к губам, она негромко заметила друзьям, что Роном движет обыкновенная зависть; у него нет ни одной веской причины для вражды со Слизерином, кроме желания привлечь к себе внимание и раздуть собственную значимость на фоне общего примирения.

События последующих дней лишь подтвердили, что Гермиона недаром считалась самой блестящей ведьмой своего столетия — она всегда умела бить точно в цель. Но это было уже позже.

Рон остановился перед каменной горгульей, пытаясь унять дрожь в руках, и произнёс пароль, который утром сообщила ему профессор Макгонагалл. Каменное изваяние окинуло его странным взглядом, тяжело вздохнуло и нехотя открыло проход. Войдя в кабинет, Рон увидел седобородого директора. Дамблдор, облачённый в тёмно-пурпурную мантию, сидел в плетёном кресле, поблёскивая стёклами очков-половинок, и с нескрываемым удовольствием доедал рожок мороженого — из тех, что так любят маггловские дети.

— А, господин Уизли, вы пришли.

— Да, профессор Дамблдор.

Рон не впервые бывал здесь, но впервые оказался с глазу на глаз с великим волшебником. В присутствии человека, чьё величие признавали все вокруг, он невольно оробел: опустил голову и принялся машинально тереть край мантии.

— Присаживайся, господин Уизли, не стой в дверях, — ласково произнёс Дамблдор, не выпуская из рук лакомства. Он взмахнул палочкой, и в воздухе возник стул. — Прошу тебя.

— Благодарю, профессор, — Рон послушно сел, не сводя глаз с мороженого.

— Хе-хе, магглы летом просто обожают этот десерт, — улыбнулся директор. — Не хочешь ли чашку лимонного чая? И, пожалуй, кусочек торта «Чёрный лес»? Полагаю, ты пропустил ужин и сейчас изрядно голоден.

Рон про себя отметил, что от этой «старой лисы» ничего не утаить.

— Не стоит беспокоиться, господин директор. Пожалуй, я ограничусь чаем.

Дамблдор кивнул, вновь сделал палочкой едва заметное движение, и перед Роном появилась чашка лимонного чая и тарелка с клубничным пирогом.

— Пусть будет клубничный пирог.

Глядя, как Рон маленькими глотками отпивает чай и медленно жуёт пирог, Дамблдор решил, что любые серьёзные разговоры подождут, пока ребёнок не поест. Он и сам не спешил: в течение следующих двадцати минут он неторопливо доел свой фисташковый рожок с чаем матча, довольно щурясь от удовольствия.

— Господин Уизли, — наконец произнёс он.

— Да, кха-кха... господин директор, — Рон вздрогнул от неожиданности, и чай попал не в то горло.

— Ох, прошу прощения, я не хотел тебя напугать.

— Ничего страшного, сэр.

— Что же, давай поговорим о том, зачем я тебя пригласил, — Дамблдор поудобнее устроился в кресле, сложив кончики пальцев домиком. — Многие преподаватели жалуются на твоё состояние. Ты стал рассеян на уроках, перестал вовремя сдавать работы и уже не раз получал взыскания. Я бы хотел услышать твои объяснения.

— Сэр, во всём виноват Гарри Поттер.

— Вот как? Виноват Гарри? Но разве вы не лучшие друзья?

— Больше нет, — Рон посмотрел с неприкрытой ненавистью и презрением. — С тех пор как он связался с этим проклятым малым Малфоем, между нами всё кончено.

— Но, господин Уизли, разве ты не слушал мою речь на праздничном банкете?

— Какую именно?

— Я говорил, что надеюсь в этом учебном году увидеть, как все вы оставите старые обиды и предубеждения в прошлом. Я мечтал о подлинном единстве Хогвартса, о том, что факультеты наконец найдут общий язык.

— Но это же неправильно, сэр! — выкрикнул Рон.

— Почему же? — Дамблдор слегка опешил. За долгие годы его жизни лишь Гарри и Сириус осмеливались так открыто перечить ему, остальные же старались хотя бы внешне сохранять почтение к его решениям.

— Потому что с самого рождения нас учили одному: Гриффиндор и Слизерин — заклятые враги! — Рон пошёл красными пятнами. Он впервые высказывал директору своё мнение, не оглядываясь на Гарри. — Это передаётся из поколения в поколение, этого не изменить!

— Ох, вот оно как... — Дамблдор сохранял на лице тень добродушной улыбки, но в душе уже твёрдо решил серьёзно поговорить с Артуром и Молли. Приходилось признать: домашнее воспитание в семье Уизли дало глубокую трещину. — Но почему бы тебе не попробовать принять эти перемены? Посмотри на Гарри...

— Гарри, Гарри, опять Гарри! — грубо перебил его Рон, впад в ярость. — Профессор Дамблдор, почему вы постоянно твердите о Гарри? И не только вы! Мои родители, все вокруг носятся с ним, словно он сам Мерлин во плоти! Только из-за того, что он пару раз одолел Тёмного Лорда? Только из-за того, что в колыбели пережил Убивающее заклятие? — Рон тяжело задышал, глядя директору прямо в глаза. — Раз он Гарри Поттер, мой друг, значит, родители должны вечно ставить его мне в пример? Раз он Спаситель, значит, ему можно в первый же год попасть в команду по квиддичу? Раз он — великий Гарри Поттер, значит, если он подружился с Малфоем, то и я обязан лизать тому сапоги? Господин директор, разве учителя не должны ко всем относиться одинаково? Почему всё, что нравится Гарри, априори считается истиной? Разве это... разве это справедливо по отношению к нам?

Эта тирада не на шутку встревожила Дамблдора. Раньше он полагал, что враждебность Рона к Слизерину — лишь отголосок убеждений Молли о «порочности аристократов». Но теперь он видел: в душе мальчика зрела не просто ненависть к врагам, а ядовитая злоба на лучшего друга. И корнем этой злобы была болезненная зависть.

— Господин Уизли, тебе нужно успокоиться, — Дамблдор встал и неспешно прошёлся по комнате. — Не позволяй зависти ослепить тебя и лишить настоящего друга. Гарри приходил ко мне перед ужином специально, чтобы поговорить о тебе. Он по-прежнему считает тебя самым близким и надёжным человеком. То, что он нашёл общий язык с молодым Малфоем, не означает, что он готов бросить тебя. Что же касается мнимого фаворитизма... уверяю тебя, это заблуждение. Профессор Снейп своим поведением вряд ли подтвердит твои слова о «особом

отношении» к Гарри.

— Профессор Дамблдор...

— Пожалуйста, выслушай меня до конца. Я хочу, чтобы вы с Гарри нашли время и поговорили. Разумеется, когда ты приведёшь свои мысли в порядок. Договорились?

— Да, сэр, я понял.

— Вот и славно. А теперь возвращайся в спальню, уже почти время отбоя.

— Доброй ночи, сэр.

Дамблдор проводил Рона взглядом и, когда дверь закрылась, снова сел за стол. Поразмыслив, он взял перо и набросал короткое письмо мистеру Уизли, в котором просил его завтра же, до завтрака, прибыть в Хогвартс вместе с супругой. Директор намеревался начистоту рассказать им о состоянии сына. Срыв Рона показал, что его подозрительность и обида на Гарри зашли слишком далеко. Нужно было немедленно примирить их, пока душевный надлом не толкнул мальчика на путь роковых ошибок.

<http://bllate.org/book/17513/1657025>